

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАКА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕНИ *RACE* В АМЕРИКАНСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПРАВА)

О. А. Крапивкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Поступила в редакцию 19 мая 2017 г.

Аннотация: в статье представлен взгляд на дискурсивную практику как на поддающуюся изменениям лингвосомиотическую деятельность. Цель исследования заключается в анализе эволюции дискурсивных практик, в основе которой лежит динамический переход от концепта к понятию и далее к термину как результат социализации точек зрения участников дискурса. Изучение юридического дискурса в связи с семиотическими сущностями – концептом, понятием и термином – позволяет проследить ход эволюции дискурсивных практик в правовом поле. Эволюция дискурсивных практик была проанализирована на примере функционирования имени *race* в правовых контекстах.

Ключевые слова: дискурсивные практики, эволюция, концепт, понятие, термин.

Abstract: the article describes discourse practices as changeable linguistic and semiotic activities. The purpose of the research is to analyze the evolution of discourse practices based on the dynamic transition from the concept to the notion and term as a result of the socialization of viewpoints of communicants. The study of legal discourse through the semiotic entities (concept, notion and term) helps follow the evolution of discourse practices in legal settings. The evolution of discourse practices was analyzed by studying the name "race" in legal texts.

Key words: discourse practices, evolution, concept, notion, term.

Под дискурсивной практикой здесь и далее мы будем понимать устойчивую традицию речевой деятельности определенного дискурсивного сообщества, лингвосомиотически отражающую определенный вид культуры, включенную в нее и ее характеризующую. Частью дискурсивных практик выступают дискурсы, образующие каркасы дискурсивных формаций, упорядочивающих реальность определенным образом и неразрывно связанных с конкретной исторической эпохой [1]. Каждая историческая эпоха обуславливает эволюцию дискурсивных практик, поскольку влечет за собой изменения в восприятии окружающей действительности, интенциональности и ментальности социума, насаждение новой системы ценностей. Чувствителен к преобразованиям и юридический дискурс, поскольку он не может существовать в отвлечении от реальной действительности, в которой развивается семиозис.

Изменения в общественно-политической и культурной жизни, события, вокруг которых формируется новая социокультурная эпоха или новое время культуры, неизбежно ведут к трансформации привычных способов осмысления и оформления правовой реальности, в которой функционируют юридические дискурсивные практики. Социальные, политические и культурные перемены находят отражение в смене

наименований, способов документирования, регламентов оформления продуктов дискурсивной деятельности, смене концептов, вокруг которых развивается юридический дискурс.

Эволюция дискурсивных практик является результатом изменений в структуре семиозиса, отличающей соответствующий период времени с точки зрения общей интенциональности социума. Данная структура обозначается в современных лингвистических исследованиях как время культуры – «период господства правил семиозиса, обусловленных особенностями определенной социокультурной эпохи» [1, с. 71–83].

На первом этапе эволюции формируется речевая деятельность, в которой преобладает феноменологическое знание, опирающееся на индивидуальный опыт, – Дискурс Различий [2]. Различные мнения возникают вследствие субъективного познания бытия, индивидуальная интерпретация основывается на личном опыте интеракции индивида со знаками какой-либо семиосферы. Вариативность интерпретаций действительности позволяет создавать ситуации для конструирования особой реальности, когда представление и восприятие какого-либо фрагмента действительности неотделимо от оценочного отношения к нему. На этом этапе развития дискурсивных практик есть общая область на интенциональном горизонте сознания, но нет общепринятых единиц номинации [3, с. 20].

Утверждение в науке принципа рационализма как выражения прогресса знания, науки и техники положило начало попыткам утверждения общей точки зрения (Дискурса Согласования) [2]. Рационализм, отказавшись от схоластических методов спекулятивного объяснения основоположений бытия, обратился к проблеме оснований научного знания, пытаясь утвердить в качестве единственного надежного источника разум. Наиболее ярким отражением рационализма является провозглашенный Ф. Бэконом девиз «Knowledge itself is power». Фундаментальное требование классического рационализма – достижение абсолютной истины, обладающей универсальной общезначимостью для любого человеческого ума. Данный подход не допускает разброс интерпретаций, неизбежный на предыдущем этапе развития дискурсивных практик, где каждый стремится утвердить свою «истину», опираясь на феноменологический опыт.

Данный переход можно сравнить с научной революцией, описанной Т. Куном [4]. Анализируя примеры результатов «донаучных» взглядов, Т. Кун имеет в виду отсутствие единого, согласованного мнения в неразвитой научной или донаучной парадигме, существование большого количества различных научных воззрений на те или иные явления природы. Ученые, объектом исследования которых были одинаковые объекты и явления, не могли прийти к консенсусу относительно их природы, говоря об одном и том же, но разными словами. Отсутствие консенсуса существует до тех пор, пока не появляется научная теория, признаваемая большинством исследователей, работающих в данной области знания, как теория и метод решения проблем. Эта концепция становится парадигмой. В процессе согласования точек зрения происходит выработка понятия того или иного явления, устанавливается договоренность между учеными, которые в результате консенсуса выбирают определенный знак, номинирующий объект изучения. «Понятия – это то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем, опираясь на логические соображения» [5, с. 5]. Это совокупность признаков, отобранных из концептов и согласованных участниками коммуникации. В результате ограничения количества признаков индивидуальные множественные интерпретанты сменяются единой интерпретантой.

Согласованные признаки онтологизируются в имени, появление которого знаменует переход от Дискурса Различий к Дискурсу Согласования [2]. К примеру, понятие «корысть» путем адаптации в юридической сфере обрело новую значимость (*получение материальной выгоды для виновного или других лиц, или избавления от материальных затрат*) и утратило оценочные признаки, которыми его наделяют

носители обыденного сознания (*страсть к наживе, материальная выгода, материальная заинтересованность, падность на барыши, жадность к деньгам и т. п.*). Произошла юридизация лексической единицы естественного языка [6, с. 8].

Дискурс Экспертного Сообщества – следующий этап эволюции дискурсивных практик, в условиях которого формируется терминологический аппарат, помогающий дифференцировать общество экспертов от общества обывателей. В основе термина «Дискурс Экспертного Сообщества» (ДЭС) лежит концепция Дж. Суэйлза, популяризовавшего понятие «дискурсивное сообщество» (*discourse community*) и определившего его как группу экспертов, занимающихся общей деятельностью и имеющих общие интересы, механизмы для осуществления коммуникации, создающих возможности информационного обмена и предоставления информации, владеющих определенным набором дискурсивных жанров для выражения своих коммуникативных целей и организующих свои дискурсивные практики с опорой на терминологический аппарат [7].

В развитие идей Дж. Суэйлза, Дж. П. Джи отмечает, что для вступления в дискурсивное сообщество или Дискурс необходимо пройти некий «обряд посвящения», а для участия в нем – соблюдать установленные стандарты поведения. Интересна мысль исследователя о том, что не индивиды, а дискурсы через индивидов говорят друг с другом. Индивид есть лишь точка пересечения (*meeting point*) различных, часто противоречивых дискурсов, вступающих друг с другом в разного рода конфликты – конфликт ценностей, убеждений, языковых норм и т. п. [8, р. 143].

Участники экспертного сообщества обладают специальными знаниями для решения профессиональных задач, генерируют экспертные заключения и идеи по направлениям своей профессиональной деятельности исключительно с опорой на термин. Термин служит специализирующим, ограничительным обозначением предметов, явлений, их свойств и отношений в определенной сфере. Будучи пределом данной области культуры, термин принадлежит к этой культуре, есть ее предельное значение, «это какие-то границы, какие-то межмысли» [9, с. 222]. Он выступает как семиотический инструмент профессионального мышления, поэтому участники экспертных сообществ заинтересованы в том, чтобы его значение было четким и единственным. Отсутствие у термина четкой дефиниции, принятой экспертным сообществом, препятствует реализации основных целей юридического дискурса – осуществление законности и правопорядка. Кроме того, как отмечает Н. Д. Голев, понятия, «попавшие» в правовой текст и не подвергшиеся юридическому определению и дифференциации (исследователь приводит в качестве примера

честь и достоинство), затрудняют интерпретацию юридических текстов [6, с. 40].

Если феноменологический характер признаков концепта неизбежно приводит к ситуации непонимания, формированию множественных интерпретаций знака, то при восхождении к термину круг признаков и объем семиотической сущности сужается, а ее содержание становится более плотным, снижая вероятность ее различной интерпретации.

Приобщаясь к экспертному сообществу, субъект не только берет на вооружение профессиональный язык, но и погружается в совершенно иное русло понимания и интерпретации элементов дискурсивного поля, придерживаясь навязываемой ему когнитивной и терминологической базы. Владея специальной терминологией, он углубляется в нее и создает специфическое поле интерпретации, отличающееся от того, в котором пребывает наивный носитель языка. С помощью термина он демонстрирует имеющееся у него специальное знание и указывает на недоступность этого знания обывателям, отделяя эксперта от обывателя. Интерпретация тех или иных явлений представляет собой процедуру экспертного осмысления действительности не сквозь призму личного опыта, чувственных переживаний, а на основе знания, с опорой на терминологический аппарат, который составляет каркас ДЭС. Ситуация непонимания в ДЭС возникает редко, а если это происходит, то она быстро разрешается, поскольку термин определен легко описываемым и единым для коммуникантов набором характеристик [10, с. 55].

С целью иллюстрации изложенных выше положений рассмотрим контексты функционирования имени *race* в американских юридических дискурсивных практиках XVIII–XXI вв. Изучение форм знания в историческом контексте позволяет проследить ход эволюционного развития юридических дискурсивных практик. Для целей исследования мы подвергли анализу около 310 источников права, размещенных на сайте Американского Института Правовой Информации (Legal Information Institute), PBS и Верховного суда США общим объемом 12 400 млн печатных знаков. Для данной статьи отобрано несколько законодательных и судебных текстов, которые, по нашему мнению, наиболее полно раскрывают тему исследования.

На основе анализа 190 источников американского права XVIII – начала XX в. мы пришли к заключению, что концепт *race* в тот период не имел единой номинации, проявляясь во множестве имен и дескрипций, подчеркивающих феноменологические акценты участников коммуникации, что характеризует, как было отмечено выше, Дискурс Различий. Вот несколько характерных примеров:

...if any **negro or mulatto** shall presume to smite or strike any **person of the English or other Christian nation**, such negro or mulatto shall be severely whipped [11].

В данном фрагменте закона 1705 г. (Act for the better preventing of a spurious and mixed issue, 1705) представители разных рас противопоставляются с помощью имен *negro* и *mulatto* и дескрипции *person of the English or other Christian nation*. Здесь имеет место двойственное представление концепта *race*: 1) эксплицитное – с помощью имени *nation*; 2) имплицитное – в именах *negro* и *mulatto*.

В решении Верховного суда США по делу *Dred Scott v. Sandford* 1857 г. имеет место интерпретационное уравнение *race = ancestry*:

People of African ancestry ... are not included, and were not intended to be included, under the word "citizens" in the *Constitutio* [12].

Наряду с *ancestry*, в других высказываниях этого же решения упоминается и имя *race*, сопровождаемое несколькими предикатами, отсылающими к представителям негроидной расы, что также доказывает наличие Дискурса Различий в данный исторический период:

[There] are two clauses in the *Constitutio* which point directly and specifically to the **negro race** as a separate class of persons ... The unhappy **black race** were separate from white by indelible marks ... in no part of the country except Maine, did the **African race**, in point of fact, participate equally with the whites in the exercise of civil and political rights [12].

В Законе о натурализации 1870 г. имя *race* отсутствует, а содержание анализируемого концепта сведено к двум признакам – место рождения (*nativity*) и происхождение (*descent*):

That the naturalization laws are hereby extended to aliens of **African nativity** and to persons of **African descent** [12].

В решении Верховного суда США по делу *Plessy vs. Ferguson* (1896) имя *race* употребляется наряду с именем *color*. Присутствие союза *or*, выступающего в данном контексте как коннектор альтернативы, позволяет сделать вывод о синонимичном употреблении данных единиц.

Neither in the information nor plea was his particular **race or color** averred [13].

На основе анализа источников права мы пришли к выводу, что концепт *race* в американском юридическом дискурсе XVIII – первой половины XX в. не имел согласованных признаков, наблюдался разброс интерпретаций, характерный для Дискурса Различий. Кроме приведенных выше номинаций, в юридических документах его также обозначали такими именами, как *ethnicity*, *culture*, *national origin* и даже *religion* [14, p. 1101].

Переход от Дискурса Различий к Дискурсу Согласования ознаменован устойчивым употреблением *race* в американском юридическом дискурсе. Анализ 85 источников американского права второй половины XX в. показал, что в имени *race* онтологизуются согласованные признаки, позволяющие отграничить обозначаемое им понятие от смежных по содержанию – *color, religion, national origin* и др. В качестве примера можно привести фрагменты Закона о гражданских правах 1964 г. и Закона 2000 г.:

... *it is unlawful for employers:*
to fail or refuse to hire or to discharge any individual,
... *because of such individual's race, color, religion, sex,*
or national origin ... [15].

... *refus[ing] to negotiate for the sale or rental of, or otherwise make unavailable or deny, a dwelling to any person because of race, color, religion, sex, familial status, or national origin* [16].

Как показывают примеры, содержание понятия *race* уже не сводится к значению предикатов *nation, color* или *religion*. Имеет место их дифференциация: в основе понятия *race* лежит признак *physical characteristics, color* – skin color, *religion* – aspects of religious observance and practice, *national origin* – birth nationality.

В решении апелляционного суда штата Вашингтон по делу *State vs. Read* 2011 г. *race* противопоставляется еще одному понятию – *ancestry*:

A person commits the crime of malicious harassment by intentionally threatening a specific individual and placing that individual in reasonable fear of harm because of the victim's race, color, ancestry, national origin, gender, sexual orientation, or mental, physical, or sensory handicap [17].

Как показал анализ 98 юридических текстов, начиная со второй половины XX в. отмечается регулярное употребление имени *race* в американском юридическом дискурсе. Смена социального контекста повлекла за собой изменения в восприятии окружающей действительности, в картине мира американцев, ознаменовала наступление нового времени культуры – *Civil Rights era*, которое повлекло за собой изменения в политическом климате США. Новые условия семиозиса способствовали формированию содержания понятия *race*, а именно *a group of humans that shares certain distinctive physical traits* [18], и использованию его исключительно в контексте борьбы с дискриминацией по расовому признаку. Точкой отсчета времени культуры *Civil Rights era* считается 1964 г. Именно тогда был принят уже упоминавшийся Закон о защите гражданских прав и произошел мощный подъем борьбы против расовой дискриминации.

На заключительном этапе эволюции образуется термин *race*, который в различных экспертных сообществах наполняется разным содержанием. Так, в биологии термин *race* определяется как *genetically distinct phenotypic populations of interbreeding individuals within the same species* [19], в генетике – *a large population of individuals who have a significant fraction of their genes in common and can be distinguished from other races by their common gene pool* [20], в американском юридическом дискурсе – *a set of individuals whose identity as such is distinctive in terms of physical characteristics or biological descent* [21]. Наличие дефиниции у понятия свидетельствует о достижении семиотической сущностью вершины эволюционной триады познания. Разнообразие определений понятия *race* в различных научных дисциплинах не вызывает сомнений в функционировании его в качестве термина. Перефразируя в терминах лингвосемиотики слова В. И. Ленина о том, что «дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах» [22, с. 344], отметим, что носители каждого ДЭС уплотняют содержание понятия *race* признаками, имеющими профессиональное значение и релевантными именно для их дискурсивной практики.

Таким образом, эволюция дискурсивных практик может быть представлена следующим образом: на первом этапе наблюдается разброс признаков семиотической сущности и отсутствие единой номинации (Дискурс Различий); на втором этапе в результате согласования этих признаков у сущности появляется имя (Дискурс Согласования); на заключительном этапе семиотическая сущность приобретает признаки, релевантные для определенного экспертного сообщества и становится термином (ДЭС).

В современных условиях семиозиса возможно диалектическое развитие знания по схеме «от термина к понятию» или «от понятия к концепту». Именно на данном пути находится в настоящее время и понятие *race*, которое пытаются вовлечь в Дискурс Различий и заменить репрезентирующее его имя дескрипциями и именами, якобы лишенными негативной коннотации, – *groups which have been historically discriminated against, underrepresented minorities*, либо именами-гипонимами – *African-Americans, Hispanics, and Native Americans*:

During all relevant periods, the University has considered African-Americans, Hispanics, and Native Americans to be “underrepresented minorities” [23].

... *racial and ethnic diversity with special reference to the inclusion of students from groups which have been historically discriminated against, like African-Americans, Hispanics and Native Americans* [24].

Негативная коннотативная составляющая знака *race* заставляет исследователей и правозащитников искать субституты с нейтральным оценочным смыслом. Кроме упомянутых выше дескрипций, в качестве синонимов имени *race* предлагают такие лексические единицы, как *ethnicity*, *continent of origin*, *ancestry*, *descent*. Как видим, наблюдается возвращение к дискурсивным практикам XVIII – первой половины XX в., когда у концепта *race* отсутствовала единая номинация. Стоит, однако, отметить, что каждый из этих вариантов не обладает тем набором признаков, которые бы полностью соответствовали семантике *race*. Так, *ethnicity* обладает интерпретантой «common cultural tradition» (*ethnicity is the fact or state of belonging to a social group that has a common national or cultural tradition*) [18], в то время как *race* предполагает категоризацию людей по внешности, главным признаком данного понятия является «physical characteristics». *Origin* также вызывает споры как субститут *race*. Его употребление в контекстах функционирования *race* тем более проблематично, если вспомнить историю древнего мира, ведь многие ученые считают, что родиной человечества является Африка. У понятия *ancestry* можно выделить не менее двух интерпретант (*family descent* и *ethnic descent*). Как правило, оно используется для обозначения выходцев из той или иной страны:

However, the federal government and its military leaders decided that no one of Japanese ancestry could live on the west coast of the United States, while people of Italian and German ancestry could remain [25].

Другие варианты замены имени *race* не менее противоречивы, что свидетельствует об отсутствии в юридическом дискурсе реальной альтернативы данному термину, способной заменить его во всех контекстах функционирования.

Как представляется, попытки лишить *race* единой интерпретанты есть не что иное, как технология манипулятивного воздействия с помощью оперирования симулякризованными знаками, используемая в игре-борьбе за ресурс влияния на Другого. Возможности для манипулирования знаком открываются в результате отказа от четко сформулированной дефиниции понятия *race* в юридическом дискурсе.

Лингвосемиотический анализ эволюции юридического дискурса, осуществленный в настоящей работе, позволяет выделить важное перспективное направление – диалектическое развитие знания по схеме «от термина к понятию» или «от понятия к концепту», исследование закономерностей диалектического механизма перехода от одной дискурсивной практики к другой вопреки рассмотренной эволюционной схеме *Дискурс Различий – Дискурс Согласования – Дискурс Экспертного Сообщества*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 207 с.
2. Каплуненко А. М. Концепт – понятие – термин : эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики / А. М. Каплуненко // Азиатско-Тихоокеанский регион : диалог языков и культур : материалы Междунар. конф. / А. М. Каплуненко. – Иркутск, 2007. – С. 115–120.
3. Каплуненко А. М. Federal / Federalism : от концепта к понятию и термину / А. М. Каплуненко // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 2 (18). – С. 16–21.
4. MWCD – Merriam-Webster Collegiate Dictionary. – Merriam-Webster, Inc. ; 11th ed., 2003. – 1664 p.
5. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5–10.
6. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40.
7. Swales J. Genre Analysis : English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 288 p.
8. Gee J. P. An introduction to Discourse analysis : theory and method / J. P. Gee. – London and New York : Routledge, 1999. – 218 p.
9. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т. 1 / П. А. Флоренский. – М. : Академический проект, 2013. – 688 с.
10. Ефимова Н. Н. Ослышка как предмет междисциплинарного исследования / Н. Н. Ефимова // Филология и человек. – 2016. – № 3. – С. 51–63.
11. Режим доступа: <http://www.pbs.org/wgbh/aia/part4/4h2933t.html>
12. Режим доступа: <http://legisworks.org/sal/16/stats/STATUTE-16-Pg254a.pdf>
13. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/163/537>
14. Hoffman S. Is There a place for Race as a Legal concept / S. Hoffman // Arizona State Law Journal. – 2004. – Paper 227. – P. 1093–1159.
15. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/2000e-2>
16. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/3604>
17. Режим доступа: <http://caselaw.findlaw.com/wa-court-of-appeals/1580623.html>
18. OD – Oxford Dictionaries. Oxford University Press. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ethnicity>
19. Walker P. M. B. The Wordsworth Dictionary of Science and Technology / P. M. B. Walker. – Wordsworth Ed., Ltd., 1995. – 1008 p.
20. Vogel F. Human genetics. Problems and approaches / F. Vogel, A. Motulsky. – New York : Springer-Verlag, 1986. – 807 p.

21. U.S. Code §1093 (2011). – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-50A>

22. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29 / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. – 776 с.

23. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-516.ZS.html>

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Крапивкина О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: koa1504@mail.ru

Тел.: 8-904-131-75-65

24. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-241.ZO.html>

25. Режим доступа: <http://civilrights.findlaw.com/civil-rights-overview/civil-rights-law-and-history.html>

Irkutsk National Research Technical University
Krapivkina O. A., Candidate of Philology, Associate

Professor of the Foreign Languages Department

E-mail: koa1504@mail.ru

Tel.: 8-904-131-75-65